

УДК 1(091)

Вострикова В.В.,
*кандидат исторических наук, доцент
кафедры математики, информатики и
общегуманитарных дисциплин ФГОБУ ВО
«Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Орловский филиал)»*

Философы Русского зарубежья о мессианстве как социокультурном феномене

В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения трактовки философами Русского зарубежья мессианизма как социокультурного феномена. Приведены трактовки мыслителями понятия «мессианизм», их взгляды на процесс зарождения данного феномена, а также классификация мессианизма.

Ключевые слова: мессианизм, мессианство, миссионизм, национализм, историческое предназначение народа.

Vostrikova V.V.,
*Candidate of Historical Sciences, Associate professor,
Department of «Mathematics, Informatics and general humanities»
Financial University under the Government Russian Federation
(Orel branch)*

Russian philosophers abroad about messianism as a sociocultural phenomenon

This article attempts to consider the interpretation by the philosophers of Russian Diaspora messianism as a sociocultural phenomenon. Interpretations by thinkers of the concept of «messianism», their views on the process of the origin of this phenomenon, as well as the classification of messianism are given.

Key words: messianism, missionism, nationalism, the historical mission of the people.

Смена парадигмы общественного развития, осуществленная Россией на рубеже XX-XXI вв., придала новый импульс и новую жизненную остроту проблеме национальной идентичности. В общественном сознании актуализировался вопрос: «Кто мы и каково наше историческое предназначение?» В поисках ответа на этот вопрос сегодня важно избежать «ловушек», которые подстерегают на пути определения исторического призвания России в мессианском ключе, не раз делавшим страну заложницей утопических идей и собственных амбиций, не раз создававшим иллюзию, что русскому народу предназначено повести за собой человечество.

Несомненный интерес в этом плане представляет обращение к осмыслению самого феномена мессианизма русской философской мыслью. В настоящей статье предпринята попытка рассмотрения трактовки понятия мессианизма философами Русского зарубежья. Для эмигрантов ответ на этот вопрос являлся своеобразной отправной точкой размышлений об историческом предназначении России.

Определяя понятие мессианизма, отечественные мыслители, как правило, отталкивались от разграничения его с понятием миссионизма, предложенного Н.А. Бердяевым в монографии «Алексей Степанович Хомяков», опубликованной в 1912 г. [1, с. 409-410]. Философ указывал на имевшееся, с его точки зрения, «принципиальное различие» между этими, часто смешиваемыми и подменяющими одно другое, понятиями. Обращая внимание на различную этимологию слов, он писал: «Мессианизм происходит от *мессии*, миссионизм – от *миссии*» (курсив в тексте – В.В.) [1, с. 409]. В первом случае, по мнению Бердяева, речь идет о признании какого-либо народа «избранным народом Божиим», «носителем мессианского духа», имеющим «исключительное», «религиозное и вселенское по своему значению» призвание спасения мира, тогда как во втором случае подразумевается историческая миссия нации, «призвание в мире, соответствующее своеобразию ее индивидуальности», ее духовно-культурное призвание [1, с. 410].

Уточняя в эмиграции понятие мессианизма, Бердяев подчеркивал религиозную сущность данного феномена. «Мессианизм имеет религиозную, а не культурную природу», – писал он в работе «Философия неравенства» [8, с. 535]. При этом Бердяев, как и другие русские религиозные мыслители, напрямую увязывал проблему мессианизма с христианством как универсальной по своему значению религией, давшей миру идею существования единого человечества с единой исторической судьбой, имеющей свое начало и конец. Христианский мессианизм, отмечал Бердяев, есть «ожидание в будущем явления Мессии и наступления Царства Божьего» [2, с. 304].

С позицией Бердяева был солидарен Е.Н. Трубецкой. В своей программной статье 1912 г. «Старый и новый национальный мессианизм» он писал: «Н.А. Бердяев совершенно правильно считает признаком национального мессианизма утверждение *исключительной* близости одного народа ко Христу, признание его первенства во Христе. В этом он совершенно справедливо полагает отличие мессианизма от *миссионизма*. Народов с каким-либо призванием или миссией, в частности с миссией религиозной, может быть много. Между тем *народ-Мессия* может быть только один. Как только мы допускаем, что народов-богоносцев, призванных спасти мир, существует не один, а хотя бы несколько, мы тем самым разрушаем мессианическое сознание и становимся на почву миссионизма» [15, с. 334]. С таким разграничением «мессианизма» и «миссионизма» был согласен и В.В. Вейдле, указывавший, что «быть Мессией – одно; обладать особым призванием – совсем другое» [11, с. 163].

Мыслители Русского зарубежья указывали на древнееврейское происхождение мессианизма. «Всякое мессианское сознание имеет своим

истоком мессианское сознание еврейского народа. Дух мессианства чужд был арийским народам. Он раскрывался лишь в еврействе, в еврейском напряженном ожидании Мессии, в еврейском сознании себя избранным народом Божиим», – писал Бердяев [8, с. 533]. При этом само зарождение мессианского сознания многие эмигранты обуславливали страданиями еврейского народа, той бесконечной цепью гонений, преследований, унижений, которые выпали на долю последнего.

Однако эмигранты отмечали, что бедствия были одним из факторов возникновения не только еврейского мессианизма, но имели аналогичный эффект и в жизни других народов. Это позволило Бердяеву сделать обобщающий вывод, что зачастую «мессианская надежда рождается в страданиях и несчастиях и ждет дня справедливого суда», являясь своеобразной психологической компенсацией за невыносимость бытия [4, с. 293].

Древнееврейская идея Мессии-царя, отмечал Бердяев, переходит в христианское сознание, претерпевая при этом серьезные изменения [4, с. 295]. По мнению философа, суть этого преобразования состояла в том, что после явления Христа в христианском мире стал уже невозможен еврейский мессианизм, ибо «Христос-Мессия явился в еврейском народе, но Он явился для всех народов мира», и в своем втором пришествии призван спасти не один какой-либо народ, а все человечество [8, с. 533]. «...В христианстве есть мессианское ожидание второго явления Христа в силе и славе, – писал Бердяев, – есть мессианское искание Царства Божьего как на небе, так и на земле, возможное ожидание новой эпохи Духа Святого» [9, с. 815]. Христианская мессианская идея, по мнению философа, придавала смысл истории человечества, ибо он был глубоко убежден, что об историческом прогрессе можно говорить только в том случае, если человечество движется к конечной цели, к царству Божьему [4].

Анализируя процесс зарождения и трансформации мессианизма, Бердяев пришел к выводу о том, что в христианстве мессианизм обретает универсальный, «вселенский» характер и «после явления Христа-Мессии национальный мессианизм навеки отменен и недопустим» [4, с. 296; 9, с. 769].

Отстаивание идеи наднационального характера мессианизма заставило Бердяева в эмиграции вновь обратиться к проблеме соотношения мессианства и национального самосознания, повышенное внимание к которой он проявлял в период Первой мировой войны [6]. В 1920-е, а особенно в 1930-е гг., для Бердяева этот вопрос обрел особое звучание в связи «с охватившей весь мир эпидемией национализма» [3, с. 232]. «Никогда еще в мире не было такого накопления ненависти, такой жажды крови, такого страшного разделения, такого отрицания единства человечества, универсальных основ человеческой природы», – писал философ [3, с. 232]. Для Бердяева национализм, обретший форму возвеличения определенной нации и принижения всех остальных, был прямым отрицанием христианского мессианизма.

Категорически не приемля такую ипостась национализма, Бердяев вместе с тем отмечал, что национализм как «естественная и элементарная любовь к своей родине и своему народу, сознание единства исторической судьбы» есть

мощный фактор развития нации, выполнения предначертанной культурно-исторической миссии [3, с. 234]. Экстраполируя теоретические изыскания в практическую плоскость, Бердяев писал: «Русский национализм был для меня максимально неприемлем. Но сам я горячо люблю Россию... Я не националист, но русский патриот» [7, с. 269].

Отталкиваясь от данного понимания национализма, Бердяев проводил его сравнение с мессианизмом. Философ указывал, что тот и другой феномены очевидно противоположны по своей природе, происхождению и задачам. По Бердяеву, в отличие от национализма, который может быть обоснован на почве позитивизма, мессианизм всегда «выходит из природного порядка, он мистичен», содержит в себе пророческое предчувствие [8, с. 532]. Мессианизм, подобно национализму, нельзя обосновать на «положительной исторической почве», он всегда апокалиптичен, обращен к явлению Христа Грядущего, «дали его всегда сверхисторичны», он «всегда в будущем» [8, с. 533; 2, с. 304]. Мессианская идея обращена не к земному миру и идет не из него.

Но самое главное отличие мессианизма от национализма Бердяев видел в «универсальности», «вселенскости» первого, его нацеленности на спасение всего человечества (Христос пришел «для всех»), тогда как национализм подразумевает возвеличение определенной нации. Отсюда объединяющая роль мессианизма. «Мессианизм ничего общего не имеет с замкнутым национализмом, мессианизм размыкает, а не замыкает», – писал Бердяев [5, с. 695].

Все эти особенности мессианизма, указывал Бердяев, делают его явлением особого «духовного порядка», отличающегося исключительной эмоциональной напряженностью и иррациональностью. Отсюда метафорическое определение: «Мессианизм ... есть блеск молнии, есть безумие во Христе» [8, с. 533]. В иерархии духовных ценностей он стоит несравненно выше любого национализма. «В мессианском огне может сгореть ... бытие национальное», – отмечал Бердяев, ибо «мессианское сознание требует уже от народа жертвенного мирового служения, служения спасению мира» [8, с. 532-533]. Аналогична позиция С.Н. Булгакова. «Бог выше нации, и единение в Боге выше национального единства», – писал он [10, с. 649].

Исходя из понимания сущности мессианизма, Бердяев предложил его типологизацию. В самом общем виде, скорее, основываясь на нравственном подходе, он выделял мессианизм истинный и ложный [4, с. 293]. Поясняя такое деление, философ писал: «Единственный истинный мессианизм есть мессианизм ожидания новой эпохи Духа, преображения мира и царства Божьего» [4, с. 296], тогда как ложное мессианство проявляется в разных формах. К числу наиболее распространенных и опасных разновидностей лже-мессианизма Бердяев относил национальную, расовую и революционную [4, с. 296].

«Расовый и духовно-культурный» характер, по мнению Бердяева, имел германский мессианизм, проповедовавший идею о германской культуре как единственной истинной культуре. «Культура может быть лишь национальной, а

не мессианской, – настаивал философ. – Мессианизм всегда жаждет выхода за пределы культуры» [8, с. 535].

Революционный мессианизм, по убеждению Бердяева, получил наиболее яркое воплощение в социалистической доктрине. «Социализм есть социальная утопия, и он опирается на мессианский миф», – писал философ [9, с. 824]. «Социализм ... есть секуляризованный, оторванный от своих религиозных корней хилязм», ибо он обещает «утопию социального земного рая, земного совершенства и земного блаженства», наступление Царства Божиего на земле [8, с. 687]. При этом на роль мессии выдвигается пролетариат. «Подобно избранному народу Божьему», отмечал Бердяев, марксисты наделили пролетариат «всеми добродетелями и доблестями и выдали его за высшую расу, за творца новой жизни» [8, с. 601].

Философ, видевший непосредственную связь между возникновением мессианских чаяний и страданием, считал, что возведение марксистами пролетариата в ранг класса-мессии, было обусловлено его «бедственным» положением «пасынка» в капиталистическом обществе, экономическими страданиями, которые испытывали рабочие [8, с. 601]. Помимо того, пролетариат представлялся марксистам свободным от «первородного греха эксплуатации», что ставило его нравственно выше буржуазии, запятнавшей свою совесть грехом стяжательства [8, с. 626].

Однако Бердяев находил такую позицию нравственно необоснованной. По убеждению философа, «тип «пролетария» есть скорее низший человеческий тип», в душевном складе которого нет «особенно высоких» «благородных черт, черт свободных духом». «Он принижен нуждой, он отравлен завистью, злобой и местью, он лишен творческой избыточности» [8, с. 601]. Следует отметить, что Бердяев допускал, что высокие нравственные качества вполне могут быть присущи отдельным представителям «простых рабочих и крестьян». Но для этого, делал он оговорку, «в них не должно быть "пролетарского" сознания и "пролетарской" психологии» [8, с. 601-602]. «Может ли из этих душевных стихий родиться высший человеческий тип и высший тип общественной жизни?» – риторически вопрошал Бердяев, указывая, что «новое царство» марксисты хотят создать «на неблагородстве, на рабстве духовном и на зле», что выдает их собственную низменную духовную природу [8, с. 601-602].

Бердяев обращал внимание на весьма специфическое понимание марксистами пролетариата, когда он наделялся ролью мессии. В качестве последнего мог выступать не рабочий класс как таковой, а только проникнутый социалистической идеологией, «верный "идее" пролетариата». «Не фактический, эмпирический пролетариат должен господствовать, а лишь "идея" пролетариата», – писал Бердяев, называя ее «мистико-мессианской», ибо эмпирический и фактический пролетариат суть две большие разницы [8, с. 626; 9, с. 799]. Именно эта «идея» пролетариата, а не эмпирический пролетариат, пояснял философ, наделялся марксистами полномочиями «мессианской диктатуры» [9, с. 799]. Последнюю же фактически осуществляла «особенная иерархия – коммунистическая партия, крайне централизованная», выступавшая в качестве хранителя мессианской «идеи» пролетариата [8, с. 626]. Во имя этой

«идеи» оправдывалось «какое угодно насилие над фактическим пролетариатом», отмечал философ, опираясь на анализ советской действительности [8, с. 626].

Мессианское ожидание освобождения человечества от эксплуатации и нищеты Бердяев считал главным «источником революционного динамизма», присущего марксизму, ибо другой его основополагающий принцип – экономический детерминизм никак не мог «вызвать революционного энтузиазма и вдохновить к борьбе» [9, с. 798-799].

Анализ сути революционного мессианизма, прежде всего, его морально-ценностной составляющей, привел Бердяева к выводу, что этот вид мессианских чаяний является «самой большой ложью» [8, с. 473].

По другим основаниям, философ выделял «мессианизм национальный и мессианизм универсальный, мессианизм индивидуальный и мессианизм коллективный, мессианизм победный и мессианизм страдальческий, мессианизм посюсторонний и мессианизм потусторонний», «открытый и прикрытый» [4, с. 293-294]. Сущность первой дихотомии очевидна из размышлений Бердяева о мессианизме как таковом. Потусторонний мессианизм связан у Бердяева с апокалиптикой. Подробного разъяснения остальных видов мессианизма философ не предлагает, но их названия достаточно ясно позволяют судить об их характеристиках.

Мыслители Русского зарубежья считали, что каждый народ имеет свое историческое предназначение, предначертанное ему Божьей волей. Исходя из Богом данного задания, «каждый народ творит то, что он может», указывал Ильин, настаивая на необходимости осознания каждым народом его собственного предназначения и исполнения его. «...Плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами (курсив в тексте. – В.В.)», – писал философ [12, с. 444].

По мнению П.И. Новгородцева, в реализации своего исторического предназначения народы делятся на два типа. Представители первого (в древности – римляне, в Новое время – многие западные народы) «с замечательной размеренностью и постоянством шагают однажды избранным путем расширения своей власти ... богатства и славы» [14, с. 379]. Однако движение это чем дальше, тем больше утрачивает духовный, творческий элемент, становится все более предсказуемым, прямолинейным, механическим [14, с. 380].

Прямую противоположность им являют народы второго типа (в древности – иудеи, в Новое время – Россия): «Их путь непрямолинейен и прерывен, их характер двойственен и чрезвычайно непостоянен, их цели очень сложны и загадочны, так что жизнь их составляет загадку как для них самих, так и для других» [14, с. 379-380]. История этих народов, отмечал Новгородцев, состоит из чередующихся периодов «величия и духовного возвышения» и «низвержения в бездну», причем «из глубины своего падения они приносят жажду покаяния и очищения от грехов. В муках искания, в переменчивости своей судьбы они познают глубочайшие тайны жизни и смерти, познают Бога и живым внутренним вчувствованием постигают его присутствие в мире» [14,

с. 380]. Такие народы Новгородцев называет «богоносцами», но не в том плане, что «они совершенны и святы, что их жизнь – ... правильная и образцовая», а потому что именно народы-«богоносцы» дают миру «святых» и «даже в своих пороках и своем падении испытывают томление по святости и святине» [14, с. 380]. «Итогами своих устремлений, взлетов и падений» они служат человечеству, ибо в них «живет и деятельно непосредственное чувство тайны и величия Божия, и от них получают другие народы свои ценнейшие дары, от которых обретает смысл и благодаря которым полна цветения человеческая жизнь» [14, с. 381]. К таким народам-«богоносцам» Новгородцев причислял русских.

Мысль о наличии у русского народа своего исторического предназначения была для эмигрантов очевидна. У русских как «великого народа», несомненно, есть «своя великая идея и своя трудная миссия», – утверждал Ф.А. Степун [17, с. 496]. «Россия имела свои маяки, и уделено ей было непобедимой волей... – Божьей Волей, что и всем народам, исполнить пути свои», – писал И. Шмелев [18, с. 434]. Я «верю в великую, универсалистическую миссию русского народа», – признавался Бердяев [7, с. 269].

При этом идея исторического предназначения России представлялась эмигрантам важной составляющей «русской идеи» – понятия более широкого, включавшего в себя, помимо определения миссии России в составе мирового сообщества, размышления о русском национальном характере, особенностях исторического пути страны. Как отмечается в словаре «Русская философия», термин «русская идея» использовался русскими философами «для интерпретации русского самосознания, культуры, национальной и мировой судьбы России, ее христианского наследия и будущности, путей соединения народов и преображения человечества» [16, с. 421].

Христианские философы-эмигранты считали, что «русскую идею» невозможно отделить от идеи религиозной [8, с. 533; 17, с. 497]. В понимании «русской идеи» они шли вслед за Вл. Соловьевым, определяя ее как «замысел Творца о России» [5, с. 543].

Каждый народ, писал Степун в статье 1934 г. «Идея России и формы ее раскрытия», как частица мира, «замышленного Богом», таит «в себе свои идеи, как бы сокровенные духовные зерна, из которых растет и развивается душевно-физическая плоть народа; становится и слагается его судьба» [17, с. 496]. При этом Степун считал необходимым разграничить противоположные по своей сути понятия идеи и идеологии, расценивая последнюю как подмену «Божьего замысла о мире (т.е. идеи) произвольными домыслами и выдумками о нем (т.е. идеологиями)» [17, с. 497].

Таким образом, мыслители Русского зарубежья осуществили теоретический анализ феномена мессианизма: уточнили понятие «мессианизма», проанализировали его зарождение, предложили свою классификацию мессианизма. Теоретические изыскания философов легли в основу их взглядов на проблему исторического предназначения России.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 448 с.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж: Изд.-во «Современные записки», 1931. 320 с.
3. Бердяев Н.А. О современном национализме // Русские записки. 1938. № 3. С. 232-238.
4. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация (1947) // Очерк русской философии истории. Антология. М.: ИФ РАН, 1996. 313 с.
5. Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 829 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1990. 240 с.
7. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Лениздат, 1991. 448 с.
8. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: АСТ, 2007. 732 с.
9. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Русская идея. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 829 с.
10. Булгаков С.Н. Нация и человечество // Булгаков С.Н. Соч. В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М.: Изд.-во «Наука», 1993. 751 с.
11. Вейдле В.В. Задача России // Вейдле В.В. Задача России. Минск: Белорусская Православная церковь, 2011. 512 с.
12. Ильин И.А. О русской идее // Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Т. 1. М.: Айрис-пресс, 2008. 528 с.
13. Ильин И.А. России нужны независимые люди // Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Т. 1. М.: Айрис-пресс, 2008. 528 с.
14. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. 448 с.
15. Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
16. Русская философия: Словарь. Под общ. ред. М.А. Маслина. М.: Республика, 1995. 655 с.
17. Степун Ф.А. Идея России и формы ее раскрытия (Ответ на анкету пореволюционного клуба) // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. 1000 с.
18. Шмелев И. Душа Родины // Шмелев И. Собр. соч. в 5 т. Т. 2. Въезд в Париж. Рассказы. Воспоминания. Публицистика. М.: Русская книга, 1998. 511 с.

References

1. Berdyayev N.A. Aleksey Stepanovich Khomyakov // Berdyayev N.A. Konstantin Leontyev. Ocherk iz istorii russkoy religioznoy mysli. Aleksey Stepanovich Khomyakov. M.: AST: AST MOSKVA: KhRANITEL. 2007. 448 p.
2. Berdyayev N.A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksalnoy etiki. Parizh: Izd.-vo «Sovremennyye zapiski». 1931. 320 p.
3. Berdyayev N.A. O sovremennom natsionalizme // Russkiye zapiski. 1938. No. 3. PP. 232-238.
4. Berdyayev N.A. Opyt eskhatologicheskoy metafiziki. Tvorchestvo i obyektivatsiya (1947) // Ocherk russkoy filosofii istorii. Antologiya. M.: IF RAN. 1996. 313 p.
5. Berdyayev N.A. Russkaya ideya: osnovnyye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka // Berdyayev N.A. Russkaya ideya. M.: Eksmo; SPb.: Midgard. 2005. 829 p.
6. Berdyayev N.A. Sudba Rossii. Opyty po psikhologii voyny i natsionalnosti. M.. 1990. 240 s.
7. Berdyayev N.A. Samopoznaniye (Opyt filosofskoy avtobiografii). M.: Lenizdat. 1991. 448 p.
8. Berdyayev N.A. Filosofiya neravenstva // Berdyayev N.A. Filosofiya svobody. M.: AST. 2007. 732 p.
9. Berdyayev N.A. Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya // Berdyayev N.A. Russkaya ideya. M.: Eksmo; SPb.: Midgard. 2005. 829 p.
10. Bulgakov S.N. Natsiya i chelovechestvo // Bulgakov S.N. Soch. V 2 t. T. 2. Izbrannyye stati. M.: Izd.-vo «Nauka». 1993. 751 p.
11. Veydle V.V. Zadacha Rossii // Veydle V.V. Zadacha Rossii. Minsk: Belorusskaya Pravoslavnaya tserkov. 2011. 512 p.
12. Ilin I.A. O russkoy ideye // Nashi zadachi. Stati 1948-1954 gg. T. 1. M.: Ayris-press. 2008. 528 p.
13. Ilin I.A. Rossii nuzhny nezavisimyye lyudi // Ilin I.A. Nashi zadachi. Stati 1948-1954 gg. T. 1. M.: Ayris-press. 2008. 528 p.
14. Novgorodtsev P.I. O svoyeobraznykh elementakh russkoy filosofii prava // Novgorodtsev P.I. Sochineniya. M.: Raritet. 1995. 448 p.
15. Trubetskoy E.N. Staryy i novyy natsionalnyy messianizm // Trubetskoy E.N. Smysl zhizni. M.: Respublika. 1994. 432 p.
16. Russkaya filosofiya: Slovar. Pod obshch. red. M.A. Maslina. M.: Respublika. 1995. 655 p.
17. Stepun F.A. Ideya Rossii i formy eye raskrytiya (Otvét na anketu porevolutsionnogo kluba) // Stepun F.A. Sochineniya. M.: ROSSPEN. 2000. 1000 p.
18. Shmelev I. Dusha Rodiny // Shmelev I. Sobr. soch. v 5 t. T. 2. Vyezd v Parizh. Rasskazy. Vospominaniya. Publitsistika. M.: Russkaya kniga. 1998. 511 p.